циал партнерства с ее Отделением философии образования и теоретической педагогики, при котором он был создан. Следует продумать серию проектов с участием членов отделения, заинтересованных в таком сотрудничестве. При этом мы сами проявим активность и готовы обсудить предложения членов отделения.

2. В перспективе намечаются совместные проекты с научно-исследовательскими институтами РАО. Мы вступили в переговоры с Институтом стратегии развития образования РАО, Москва (директор – Светлана Вениаминовна Иванова) и Институтом образования взрослых и педагогического образования РАО, С.-Петербург (Ирина Ивановна Соколова) и приступили к поиску совместных проектов. Здесь, разумеется, нужны терпение и вариативный подход, чтобы найти способы взаимовыгодного сотрудничества. Формами такого сотрудничества, в частности, могут стать совместные грантовые заявки на исследовательские и образовательные проекты.

3. Не удается пока включить ВНОЦ РАО в работу по координации деятельности региональных инновационных площадок (РИП), которая полностью передана в монопольное ведение Академии последипломного образования. Между тем именно здесь видятся первоочередные перспективы реализации функций Центра и как экспертного представительства РАО, и как канала привлечения высококвалифицированных профильных специалистов РАО. Наверное, требуется более убедительная демонстрация региональным органам управления образованием возможностей Центра и более системное взаимодействие с ними.

4. Следует, как нам представляется, более настойчиво и последовательно продолжать работу по реализации возможностей ВНОЦ РАО для повышения квалификации научных и педагогических кадров через привлечение к такой деятельности ведущих специалистов РАО.

5. Наконец, в контексте сетевого взаимодействия следует сосредоточиться, прежде всего, на логистических проектах Центра, не пытаясь подменить собой существующие службы организаций – партнеров Центра.

Главный вывод начального этапа работы Волгоградского научно-образовательного центра Российской академии образования состоит в том, что этот проект РАО оказался не только востребованным и жизненным, но и перспективным, способным к саморазвитию.

В.И. СУПРУН

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО БОГОСЛОВИЯ (рецензия на книгу: Николаева Н.Г., Кузьмин С.И. «Богословие» Иоанна Дамаскина в церковнославянской традиции и рецепции XVI–XVIII вв. Казань: Центр инновационных технологий, 2015. 312 с.)

В наши дни центр исследования палеославистических проблем переместился за рубеж: в Германии, Австрии и других неславянских странах выходят монографии, сборники статей, осуществляются переиздание трудов классиков палеославистики, издание древнеславянских рукописей. В России же, как, впрочем, и в других славянских странах, подобные исследования проводятся крайне редко, а книги по данной проблематике практически не выходят, что связано с разными причинами: отсутствием специалистов, необходимостью учёта не только лингвистических, но и богословских проблем, отсутствием общественного интереса к палеославистике, нехваткой средств на издание трудов по проблеме функционирования церковнославянского языка в разные эпохи и пр. В связи с этим выход в свет книги казанских филологов можно считать уникальным событием в современной России. Монография подготовлена при поддержке РГНФ в рамках проекта №12-34-01322.

В рецензируемой книге детально проанализированы переводы догматического труда выдающегося богослова VIII в. прп. Иоанна Дамаскина «Точное изложение православной веры», традиционно именуемого «Богословие» (иногда «Небеса»), на церковнославянский язык болгарским экзархом Иоанном (конец IX – начало X в.) в редакции митрополита Московского Даниила (XVI в.), князем Андреем Курбским и его соратниками (1575–1579) – иеромонахом-грекофилом Епифанием Славинецким (1665 г.) и архиепископом Амвросием (Зертис-Каменским) (1774 г.).

Монография поделена на два раздела, каждый из которых включает отдельные главы. В первом разделе поочерёдно анализируются четыре церковнославянских перевода богословского труда. Предваряет этот анализ первая глава, в которой рассмотрены предисловия переводчиков к своим трудам. В них определены

© Супрун В.И., 2015

транслятологические постулаты, характерные для каждой из переводческих школ, выявлены эстетические предпочтения переводчиков. Авторы отмечают, что все предисловия объединяет нескрываемая забота об образовании, гуманитарный посыл к обществу, являющийся одной из главных особенностей жанра предисловия переводчика богословского текста (с. 26). Важной для современного языкознания является мысль экзарха Иоанна о соотношении лингвоэстетических параметров в разных языках: «иже г[лаго]лъ въ иномь ѧзыцѣ красьнъ, то в дроузѣмь некрасьнъ, иже въ иномь страшьнъ, то в друзѣмь нестрашьнъ, иже в иномь чьстьнъ, то в друзѣмь нечьстьнъ» (с. 14). Анализируя лексику перевода Андрея Курбского, исследователи определяют слово «кнажата» как уменьшительное (с. 21), что вряд ли точно; это дериват с суффиксом *-ent,* с помощью которого образуются славянские названия детёнышей.

Во второй главе рассмотрены особенности первого древнеславянского перевода «Богословия» прп. Иоанна Дамаскина, осуществлённого экзархом Иоанном. Авторы обнаружили в фондах РГБ рукопись XVI в., которая является списком этого текста в редакции митрополита Московского Даниила (с. 27). Они полагают, что эта редакция представляет собой новый тип текста, в котором переводная основа дополняется непереводными элементами из оригинальной литературы, размывается за счёт значительных текстовых расширений (с. 72). В это время, по мнению исследователей, начинает зарождаться индивидуальный авторский стиль, опирающийся на соединение традиций славянской книжности с новыми текстообразующими возможностями.

Третья глава анализирует перевод князя А.М. Курбского и его сподвижников. Отмечается, что главной чертой этого перевода являются глоссирование и комментирование. Большинство «сказов» написаны самим князем, в них обнаруживаются греко-латинские неологизмы в терминологической сфере, полонизмы и единицы «простой мовы» при тяготении к нормативному церковнославянскому языку. Отметим, что некоторые примеры из этого текста могут быть использованы диалектологами для доказательства фрикативного произношения [г] в «простой мове», поскольку для взрывного [г] используется в заимствованных словах диграф *кг* [1, с. 95]: *флакгмоу, фикгура* (с. 82). Отмечая, что встречающиеся в тексте греческие заимствования вошли без латинского посредства, поскольку они даны в рейхлиновской огласовке, авторы приводят пример *характе*^{р}*,* который должен бы иметь *и* на месте *е* (с. 82).

Четвёртая глава посвящена рассмотрению особенностей перевода Епифания Славинецкого. Этот книжный деятель XVII в., работавший в скриптории Чудова монастыря в Москве, оказал большое влияние на переводческую практику своего времени. Ему принадлежит современная редакция Символа веры (с. 125). Авторы утверждают, что переводы чудовской школы отличаются склонностью к языковому эксперименту, необходимому для выбора дальнейшего пути развития языка духовной литературы (с. 138).

В последней главе первого раздела рассмотрен перевод архиепископа Амвросия (Зертис-Каменского), который менее всего известен и изучен в палеославистике. Переводчик воспринимает церковнославянскую традицию во всём её многообразии и отбирает из неё то, что кажется ему соответствующим выбранному представлению о языковом достоинстве и языковом образе (с. 172).

Подводя итог главе, исследователи отмечают, что традиции первоучителей и их последователей относятся только к сфере церковной литературы. Религиозный текст сохраняет жанрово-стилистическое своеобразие, отражённое в его языке, независимо от времени создания. Основным принципом кирилло-мефодиевской традиции следует считать смысловой перевод. В анализируемых переводах соблюден баланс между содержательной стороной и формой выражения. Перевод, выполненный в духе кирилло-мефодиевской традиции, должен быть культуроориентированным и учитывать закономерности сложившейся культурной среды (с. 174).

Второй раздел посвящён становлению и развитию терминологии православной догматики. В первой главе анализируются переводы греческих терминов ὑπόστασις и οὐσία, которым в разных текстах на церковнославянском языке соответствуют единицы *ипостась, существо, сущность, составъ.* Эти слова перешли в книжный русский язык и функционируют в нём в терминологической сфере богословия и церковно-религиозной жизни (с. 202).

Во второй главе рассматриваются богословские термины πάθος и ἐνέργεια и их церковнославянские эквиваленты *страсть, страданує, вредъ, му́ченує, д҆иство, д҆иствує, д҆тельство, д҆ло, д҆ануе, д҆лануе.* Третья глава посвящена «вопросам чрезвычайной богословской сложности» – рассмотрению проблем пе-

ревода на церковнославянский язык богословского термина λόγος. Кирилл и Мефодий нашли для греческого термина славянский эквивалент *Слово,* который авторы называют синкретой (с. 245). В переводе владыки Амвросия даётся парное сочетание *слово* или *разумъ,* в котором единицы являются равноправными вариантами (с. 259). Интересным является анализ примера межъязыковой омонимии современного русского слова *бессловесный* ‘лишённый дара речи; молчаливый, осторожный в высказываниях; безропотный’ и церковнославянского *безсловесный* ‘бездуховный, бессмысленный, лишённый отношения к Слову’. Молящийся воспринимает славянский текст через парадигму русского языкового сознания, что не отражает заложенного в текст молитвы смысла (с. 259–260). В этой главе исследователи отступают от своего принципа давать перевод цитат на иностранные языки и на с. 242–243 приводят обширный текст на английском языке без перевода.

В последней главе материалом анализа становятся слова ἅγιος и ἱερός. По мнению авторов, первое слово обозначает святость как природное или внутреннее качество, свойство, предполагающее некую избранность, отделённость, отрицание обыденного, а второе – как результат божественного вмешательства, атрибут культовой сферы (с. 264). Переводчики использовали в качестве эквивалента церковнославянские слова *святый* и *священный* (с. 273).

В обстоятельном заключении Н.Г. Николаева и С.И. Кузьмин ещё раз останавливаются на характеристике отдельных переводческих принципов разных эпох существования церковнославянского языка и особенностей формирования основ православной богословской терминологии. Они подчёркивают, что в результате долгой общей истории двух языковых стихий в русском этнолингвосознании обнаруживаются удивительные сближения церковнославянских слов с диалектизмами и с лексемами русской высокой поэзии. По мнению исследователей, возрождающееся богословие в России ищет пути своего адекватного языкового оформления, балансируя между церковнославянским языком литургии и русским языком научной сферы.

Избранная библиография включает названия рукописных и печатных книг, исследований по проблемам богословия, герменевтики, философии, филологии, транслятологии и других научных дисциплин. Не очень понятно, почему доступные в любой библиотеке словари синонимов, С.И. Ожегова и др. приводятся по их версии в Интернете (с. 309).

Особого уважения заслуживает тщательность набора текста, в котором значительные фрагменты приводятся на древнегреческом, латинском, церковнославянском языках, встречаются примеры на немецком, английском, польском и других языках, при этом опечатки практически отсутствуют.

Это издание является подарком для современных российских богословов, философов, палеославистов, культурологов, историков книжного дела, для всех, кому интересны история церковнославянской письменности и православной мысли в России. Хочется выразить надежду, что исследование этих сложных проблем, отражающихся в русском этнолингвосознании, будет продолжено авторами и их последователями.

Литература

1. Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1990.